

RU

Современная трансформация образа Бабы-яги

Соколова Е. М.

Аннотация. Цель исследования – показать трансформацию Бабы-яги, одного из наиболее популярных сказочных персонажей, в современной медиасреде на примере анализа фанфиков из фандома русских сказок, представляющих собой часть активно развивающейся массовой культуры. Описывается изменение внешних характеристик, в том числе утрата или переосмысление традиционных атрибутов (костяная нога, лес, избушка), появление внутренней мотивации, часто эмоционального характера, особая роль в переосмысленном обряде посвящения, преобладание типа яги-дарительницы, частичная или полная утрата функции посредника между миром живых и миром мертвых, изменение имени героини. Научная новизна работы состоит в том, что впервые комплексно изучен образ Бабы-яги и проведен сопоставительный анализ современного персонажа с традиционным фольклорным образом. Результаты исследования демонстрируют, как культурные и социальные реалии, в том числе процессы «расколдовывания» и «заколдовывания» мира, влияют на переосмысление мифологических образов, десакрализируя их, что приводит к утрате ряда функций, преимущественно негативных, и значительному переосмыслению оставшихся, кроме того, осовременивание позволяет включить сложный фольклорный образ в мир условной современности.

EN

Modern transformation of the image of Baba Yaga

E. M. Sokolova

Abstract. The research aims to demonstrate the transformation of Baba Yaga, one of the most popular fairytale characters, within the contemporary media landscape, through an analysis of fanfiction within the Russian fairytale fandom. Russian fairytales represent a part of the rapidly evolving mass culture. The study describes the change in external characteristics, including the loss or reinterpretation of traditional attributes (a bone leg, forest, a hut), the emergence of internal motivation, often emotional in nature, the particular role in the reinterpreted rite of passage, the predominance of the type of Baba Yaga as a giver, the partial or complete loss of the function as an intermediary between the world of the living and the world of the dead, and the change in the heroine's name. The scientific novelty lies in conducting a first-ever comprehensive study of the image of Baba Yaga and a comparative analysis of the modern character with the traditional folklore image. The results of the research demonstrate how cultural and social realities, including the processes of “de-enchanting” and “enchanting” the world, influence the reinterpretation of mythological images, desacralizing them, leading to the loss of a number of functions, primarily negative ones, and a significant reinterpretation of those that remain. Moreover, modernization allows the inclusion of a complex folklore image into the world of conventional modernity.

Введение

Актуальность исследования определяется назревшей в настоящее время необходимостью изучения адаптации традиционных фольклорных и сказочных образов в современной культурной и медиасреде, которое позволит понять процессы сохранения и трансляции культурного наследия в условиях глобализации, а также выявить тенденции изменений традиционных персонажей, служащие отражением запросов современного читателя.

Поставленная цель предполагает последовательное решение следующих задач:

- рассмотреть образ Бабы-яги в современной актуальной медиасреде – фандоме русских народных сказок – и выделить содержание внешних и внутренних характеристик, а также выполняемых функций;
- сопоставить современный и традиционные образы, выявить сходства и различия;
- проанализировать и объяснить причины трансформации образа.

Материалом для исследования послужил фандом «Русские народные сказки», созданный 1 марта 2016 года и размещенный на сайте [fanfics.me](https://fanfics.me/fandom372/fics) (<https://fanfics.me/fandom372/fics>). На него подписано 560 человек,

в нем содержится 108 фанфиков. Как персонаж Баба-яга упоминается в 40 произведениях (37% от общего числа написанных), что говорит о его популярности. Нами были проанализированы фанфики:

- Зинина Е. Гуси-лебеди. 2019. <https://fanfics.me/fic138719>;
- Киматой, Rerregina. Школа для благородных девиц. 2017a. <https://fanfics.me/fic101516>;
- Киматой, Rerregina. Школьные будни. 2017b. <https://fanfics.me/fic101711>;
- Roxanne01. Река времен. 2023. <https://fanfics.me/fic189637>.

Для сопоставительного анализа фанфика «Гуси-лебеди», представляющего собой ретеллинг народной сказки, использовался вариант, представленный в сборнике А. Н. Афанасьева:

- Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: в 3 т. / изд. подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. М.: Наука, 1984. Т. I.

Основной метод исследования – комплексный анализ текста, позволяющий сформировать многогранный образ персонажа, дополнен сравнительно-историческим анализом для выявления основных тенденций изменений.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы, посвященные изучению фольклора (Пропп, 1996; Мелетинский, 2005), и работы, направленные на изучение мифологического сознания (Вебер, 1990; Зарубина, 2023).

С точки зрения практической значимости результаты исследования могут быть использованы в образовательной работе, проводимой как в вузах гуманитарных направлений в курсах по изучению фольклора и постфольклора, так и в практике школьного изучения для более успешного формирования у обучающихся представлений об образах и традициях русского фольклора, потому что в основе этой работы будет лежать более полное понимание читательской рецепции.

Обсуждение и результаты

Современная массовая культура предполагает активное участие потребителей в самом процессе творчества. Значительное место занимает культура фанфиков, помогающая читателю стать активным соучастником создания художественных произведений. Вызовы современного общества, напряженность и динамичность жизни в эпоху бурного техногенного прогресса вынуждают человека обращаться к вечным, неизменным темам. Обращение к традиционной народной культуре помогает осознать не только настоящее, но и ход культурной эволюции народа, почувствовать свою причастность к многовековой традиции. Большой популярностью по-прежнему пользуются сказочные персонажи.

Баба-яга – волшебный персонаж, известный нам по сказкам и формулам устрашения. Интерес к ней со стороны исследователей возник очень давно. В попытках разгадать семантику образа ученые обращаются к различным вариантам трактовок: от однозначно отрицательной до описания двух- и даже трехвалентной сущности. Е. М. Мелетинский видит в ней древний дух: «Ясно, что за Бабой-ягой некогда скрывался древний могущественный дух, что она – обобщение демонических сил, противостоящих сказочному герою» (2005, с. 240). Ю. С. Степанов (1997, с. 736), выделяя две ипостаси Бабы-яги, «злую» и «добрую», указывает на родство первой с Янусом (древнеримский двуликий бог) и Ямой (индийский «царь мира мертвых»), а также с греческими эмпусами (дочерьми богини Гекаты, убивающими по ночам спящих мужчин). Точка зрения В. Я. Проппа заключается в описании существования нескольких типов: «...сказка знает три разные формы Яги. Она знает, например, ягу-дарительницу, к которой приходит герой. Она его выпрашивает, от нее он (или героиня) получает коня, богатые дары и т. д. Иной тип – яга-похитительница. Она похищает детей и пытается их изжарить, после чего следует бегство и спасение. Наконец, сказка знает еще ягу-воительницу» (1996, с. 146). Это указывает на еще большую внутреннюю сложность и противоречивость образа в традиционном фольклоре.

Современные читатели, воспитанные в иной социальной реальности, уже по-иному, нежели их предки, трактуют этот образ. Эва Варга, анализируя метаморфозу образа Бабы-яги, говорит, что, с одной стороны, «ее образ слился с ведьмой, и это проявляется в ее внешности и атрибутах. С другой стороны, наблюдаются изменения в положительную сторону и в ее характере – она уже не злая, а скорее добрая. Образ русской ведьмы сближился с межкультурным образом европейской ведьмы, и это явление прослеживается и в иллюстрирующих эти фигуры изображениях. Однако, несмотря на эту тенденцию, Баба-Яга успешно сохраняет свой русский колорит и продолжает оставаться ценностью русской культуры» (2017, с. 215). Свои выводы Э. К. Варга делает на основе анализа исследовательских работ детей. Автор утверждает расширение семантического ядра персонажа за счет внутренней (изменение характера) и внешней (атрибуты и портрет) трансформации. Исследуя Бабу-ягу как популярного персонажа позднесоветской и постсоветской литературы, В. А. Кошелев замечает, что «в XX столетии оказался востребованным именно “мультяшный” вариант этого образа: Баба Яга осознается ребенком не как “людоедка” и воплощение “мирового зла”, а как полукوميческая эксцентричная старуха, безобразная, опасная, но в то же время симпатичная» (2019, с. 51).

О популярности образа Бабы-яги в медиасреде свидетельствует и обращение к нему в видеоиграх, в развитии традиции которых отмечается усиление фольклорной составляющей (Быханова, 2024).

В настоящее время получили широкое распространение фанфики – авторские произведения, героями которых выступают известные личности или литературные персонажи. Группы фанфиков по канону – произведениям, лежащим в основе, – называют фандомом. По мнению исследователя современной массовой культуры Г. Дженкинса, фанфики – это экспрессивная форма выражения культуры участия, для которой характерны «низкие барьеры для художественного самовыражения и гражданской активности, решительная поддержка,

создание и обмен творениями, а также своего рода неформальное наставничество, посредством которого опытные участники передают знания новичкам. В культуре участия члены также верят в то, что их вклад имеет значение, и это дает им ощущение некоторой степени социальной связи друг с другом (по крайней мере, участники заботятся о мнениях других о том, что они создали)» (Jenkins, Purushotma, Weigel et al., 2009). Фанфики можно рассматривать как способ активного взаимодействия читателя и произведения, в ходе которого читатель заполняет возникшие лакуны восприятия, «именно в фанфиках выражено все то, что хотели бы видеть читатели в традиционной литературе» (Солина, 2020, с. 108). Подробное изучение этого явления поможет не только совершенствовать наши представления об особенностях читательской рецепции, но и обоснованно выделить наиболее востребованные литературные тренды. «Осмысление мифологических и фольклорных корней фантекстов» Н. Ю. Костюрина (2016, с. 66) называет наиболее актуальной проблемой для изучения.

В фанфике «Школа для благородных девиц» и связанном с ним фанфике «Школьные будни» Баба-яга – заслуженный педагог, который работает в школе, организованной Кашеем и размещенной в его замке, причем она «не только преподает несколько предметов», но и всегда выступает «активным участником полосы препятствий для царских сынков» (Киматой, Реррегина, 2017а). В ходе сюжета Кашей обсуждает с ней рабочие моменты при помощи видеосвязи, организованной посредством блюдечка и наливного яблочка. Внешность Яги не описана, но есть упоминание о хронически «больной ноге» («мало ли что способна выкинуть “заслуженный педагог”, выдернутая с целебных грязей, где она каждый год лечила ногу»), характерные атрибуты (ступа, избушка) не указаны, о месте ее пребывания (лес в народных сказках) данных нет. Баба-яга следит за освоением программы ученицами школы: «...оживление лебедей у нее получились, с ткачеством тоже проблем не было, травничество ей не потребовалось» (Киматой, Реррегина, 2017а); дает рекомендации по наилучшему устройству дальнейшей их жизни: «Так вот, будет у нее две снохи, девицы купеческие, сами завистливые да жадные, но вот семьи у них крепкие, вполне опорой Василисушке могут стать, коли должности хорошие им выдать да следить строго» (Киматой, Реррегина, 2017а); организует испытания для молодых людей: «Иван-Дурак из дваждыпятого, что к Путьятишне, уже Печку прошел, скоро к Избе придет. Ты там давай, к смерти готовься, через денек у тебя уже будет, я ему слова волшебные шепну, чтобы лодчонку какую или ступу мог в воздух поднять и к тебе быстрее добрался» (Киматой, Реррегина, 2017а). Традиционное взаимодействие с детьми и молодыми людьми, представленное в народных сказках, трансформируется в осовремененный педагогический процесс, в котором Баба-яга выступает как внимательный и заботливый наставник, активно вовлеченный в процесс обучения и воспитания. Обряд инициации, свойственный древним временам, переосмысливается: в современной жизни вхождение в мир взрослых определяется получением образования. В этих фанфиках сохраняется участие Бабы-яги в ритуале инициации, причем символика смерти и загробного мира отсутствует полностью, а важным становится не сакральное знание о жизни и смерти, а ряд насущных, жизненно необходимых сведений. Именно поэтому «костяная нога» как символ смерти трансформируется в «большую ногу» – так иное понимание важной функции персонажа приводит к изменениям в его внешнем облике. Функция посредника между мирами утрачена.

Фанфик «Гуси-лебеди» представляет собой ретеллинг русской народной сказки «Гуси-лебеди» (Афанасьев, 1984, с. 147). Общим является сказочный мотив опасного путешествия в поисках пропавшего младшего брата. Встреча со сказочными персонажами, предлагающими помощь в ответ на выполнение тех или иных заданий, обогащается дополнением сатирического компонента, снижающего драматизм событий и выводящего на первый план независимость и самостоятельность юной героини Мариэли (Машки), что отражает динамику изменений общественного взгляда на роль женщин. Окружающий мир дополнен фэнтезийными существами (эльфы, орки), техническими новшествами (маготелега, новая посудомойка от эльфов-технологов). Главная героиня из добродетельной девушки превращается в плохо воспитанную и вздорную девицу, склонную к обману («Ночей не спала, досыта не ела! Знаю уже эту песню»; «Это орк пожалеет, что с моим братцем встретился! Та ещё подрошенная сволочь...»; «Зараза! – завопила ушибленная, поднимаясь и потирая локоть. – Ты, общага для гусениц, оборзела вконец?! На кого замахиваешься?!»; «Итог сей сказки был таков – влетело Машеньке-Мариэль по самое “не балуй”. И подарки отобрали, что батюшка из города привёз... А что, врать тоже с умом надобно!» (Зинина, 2019)).

Меняется и образ Бабы-яги. Если в классической сказке она становится препятствием и воплощает потенциальную угрозу для детей, то в фанфике, наоборот, предоставляет помощь и защиту («Иди, забирай своего братца! – сурово сказала Баба-Яга. – Дрыхнет он... Налопался блинов со сметанкой и медком, да и спит себе на печи. Поднимай своего опекаемого, а то мне его до дома провожать недосуг!»; «Может, чайку с пирогами на дорожку? – предложила Баба-Яга» (Зинина, 2019)). Сохраняются некоторые атрибуты Бабы-яги. Избушка на курьих ножках традиционно требует для входа использования сказочной формулы с незначительными изменениями («Эй, избушка на курьих ножках, повернись к лесу задом, а ко мне передом!» (Зинина, 2019)), но при этом ее облик становится более похожим на куриный («избушка чуть наклонилась, глянула на девочку подслеповатым окошком, кудахтнула и, после секундного раздумья, начала медленно разворачиваться»), что отражает современное представление народной этимологии о «курьих ножках». Сохраняется традиционно вежливое обращение к Бабе-яге («Бабушка Яга, ты это... моего братца не видала?» (Зинина, 2019)), добавляется иронический компонент в преувеличенной вежливости изменения обращения *баба* на *бабушка*, при этом переосмысливается имя фольклорного персонажа: в фанфике ее зовут «Яга Яггишна (в простонародье Баба Яга)» (Зинина, 2019), имя, с одной стороны, становится похожим на человеческое имя-отчество, с другой – использование отчества Яггишна указывает на непроезженность, уникальность персонажа (примечательно, что в фанфике «Школьные будни» используется этот же прием – «Директор школы Кашей Кашеевич» –

с дополнительными разъяснениями: «Вообще-то Кашей был первый и единственный в своем роде, но в определенный момент истории оказалось крайне необходимо обзавестись отчеством – без него даже всякие Дурки напрочь отказывались уважать директора. Вот и пришлось что-то придумать. А именоваться в чью-нибудь честь, кроме себя самого, Кашею показалось оскорбительно» (Киматой, Perregina, 2017b)). Внешний облик Бабы-яги не соответствует традиционному сказочному («а из двери выглянула сухонькая сгорбленная бабка со сморщенным, как печёное яблочко личиком, на котором сверкали неожиданно молодые чёрные глаза» (Зинина, 2019)), а максимально приближен к обычному человеческому. Иронически трансформируется восприятие Бабы-яги как людоеда: «Мяса не ем! – сурово сказала бабка. – В моём возрасте сие для здоровья вредно» (Зинина, 2019). Изолированность Бабы-яги от общества, ее жизнь в лесу, далеко от людских поселений, трансформируется в наличие устойчивых связей; так, мать Машки узнает подлинную историю пропажи сына именно от Бабы-яги, что помогает ей раскрыть Машкин обман.

В фанфике полностью утрачена функция посредника между мирами. Сохранность некоторых внешних атрибутов Бабы-яги сопровождается переосмыслением их содержания и не препятствует значительной внутренней трансформации образа из противоречивого доброго/злого в однозначно помогающий. Тем не менее неверно будет предполагать, что образ Бабы-яги в сознании современного человека воспринимается как однозначно позитивный.

Сюжет фанфика «Река времен» посвящён попытке Алены воскресить Кашея, пленницей и ученицей которого она была. Алена помогает Ивану Царевичу умертвить Кашея, но раскаивается в своем решении. К Бабе-яге она приходит именно за помощью в попытке оживить его.

Баба-яга обладает значительными магическими знаниями и умениями, например, она творит и отдает сосуд с мертвой водой («Баба-Яга вновь повернулась к сове, взмахнула рукой, и превратилась та в сосуд, который упал прямо в ладони старой колдуньи» (Roxanne01, 2023)), что служит метафорой ее власти над смертью. Автор уподобляет Бабу-ягу Морене («Из-под личины старушки скользнула тень тёмной колдуньи – жуткой и вселяющей страх. Царевна не вздрогнула и не отступила. Стали они друг напротив друга, будто Жива и Морена» (Roxanne01, 2023)), богине Зимы и Смерти, одной из важнейших богинь славянского пантеона. Противостояние Живы и Морены символизирует встречу и противостояние жизни и смерти, космоса и хаоса, традиций и перемен. Баба-яга в этом тексте представляет божественную сущность, глубокий мифологический персонаж.

Традиционное сходство Бабы-яги и Кашея (способность к сверхбыстрому перемещению по воздуху или по земле, оборотничество (Вачков, Наговицын, Пономарева, 2023, с. 108)) трактуется как наставничество Бабы-яги («Когда я был по-настоящему молод, то связался с колдуньей одной. Она была старше, опытней и владела черной магией куда умелей меня самого. Хотел я сначала просто перенять ее знания, но потом... Со временем я превзошел свою наставницу» (Roxanne01, 2023)). Именно неудачей в отношениях с Кашеем («Не простила, что много веков назад Кощей оставил тебя?» (Roxanne01, 2023)) главная героиня пытается объяснить настоящее поведение Бабы-яги, но и мотивация, и содержание образа гораздо сложнее и противоречивей. Обладая особым знанием о человеческой природе и жизни вообще, Баба-яга не просто помогает девушке, она ставит в ситуацию непростого выбора между исполнением желания и осознанием тщетности всех усилий, потому что нельзя вернуть мертвых. Баба-яга есть воплощение границы между мирами, границы между жизнью и смертью, архетип темной колдуньи, в чьих руках власть над жизнью и смертью.

Двойственный характер персонажа, который в фольклорном существовании выражался в одновременном присутствии отрицательных и положительных черт, черт помощника и вредителя, не просто сохраняется, но выходит на новый уровень в современности, воплощая одновременно и процесс расколдовывания мира, по М. Веберу, и обратный процесс «заколдовывания мира». Утрата значительной части характерных атрибутов (изменение внешнего облика, включение в современные социальные институты (школа), трансформация имени и привычного места обитания) свидетельствует об осовременивании и очеловечивании персонажа, в то время как сама частотность обращения говорит о внутренней потребности человека в присутствии в мире магических образов. Н. Н. Зарубина пишет о возрождении магического сознания в современности, описывая его как «простейший, архаичный путь к новому осмысливанию мира и судьбы человека в нем» (2023, с. 22) и видя в нем возрождение «архаичной веры в экстраординарные явления, способные быстро и эффективно, по образу и подобию цифровых технологий, решать самые острые проблемы» (2023, с. 15). Именно эта способность выступает одной из важнейших черт Бабы-яги в ее современном воплощении в массовой культуре.

Заключение

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. Интерес к сказочным и фольклорным персонажам остаётся очень высоким. Переосмысление сказочных сюжетов варьируется от осовременивания («Гуси-лебеди») до частичной или полной инверсии (добрая и помогающая Баба-яга в «Школе для благородных девиц», светлый и заботливый Кашей в «Реке времен»). Возможность персонажей адаптироваться к условиям современного мира говорит об их гибкости и внутренней целостности. В проанализированных фанфиках использован тип яги-дарительницы. Образ условно доброй Бабы-яги расширяет внутреннюю семантику включением элемента заботы о детях (уберегла от орков в лесу («Гуси-лебеди»), занимается образованием девушек («Школа для благородных девиц»). Осовремениваясь, обряд инициации уподобляется процессу получения образования как необходимому условию для начала взрослой жизни.

2. Десакрализация образа Бабы-яги проявляется в усилении человеческих черт, которое проявляется в трансформации имени (Яга Яггишна, Бабушка Яга) и ироническом переосмыслении атрибутов (вегетарианство, большая нога, кудахчущая избушка). Внутренняя мотивация персонажа может объясняться причинами эмоционального характера (желание отомстить неверному возлюбленному Кашею).

3. Персонаж сохраняет внутреннюю сложность и неоднозначность, большому осовремениванию и десакрализации подвержена «добрая» ипостась, позволяющая современному читателю легче идентифицировать себя с персонажем, делая его ближе и понятнее. С другой стороны, «доброе» поведение Бабы-яги может быть интерпретировано как проявление характерного для настоящего времени более широкого понимания добра и зла, где добрые поступки не всегда являются следствием безусловно добрых намерений, и наоборот, злые деяния могут иметь положительные последствия. Помощь Бабы-яги часто сопровождается испытаниями и трудностями для героев, что подчеркивает, что знание и мудрость приходят через преодоление препятствий.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно выделить несколько направлений: анализ взаимодействия традиционных и современных элементов в образе Бабы-яги и других персонажей русского фольклора, анализ влияния технологического прогресса на развитие фольклорных мотивов и сказочных образов в цифровую эпоху.

Источники | References

1. Быханова М. А. Образ Бабы-Яги в западных видеоиграх: от старушки ведьмы до безумной ученой // Артикульт. 2024. № 1 (53). <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2024-1-64-80>
2. Варга Э. К. Метаморфоза образа Бабы-Яги // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания: материалы XVII международной научно-практической конференции (г. Будапешт, 26-27 мая 2017 г.). Будапешт: Российский центр науки и культуры в Будапеште (Представительство Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества) в Венгрии), 2017.
3. Вачков И. В., Наговицын А. Е., Пономарева В. И. Жила-была Баба Яга... Психологические и культурологические аспекты образа. Изд-е 2-е. М.: Академический Проект, 2023.
4. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990.
5. Зарубина Н. Н. Объяснительные возможности концепции расколдовывания мира М. Вебера в контекстах роста магического сознания // Социологические исследования. 2023. № 11.
6. Костюрина Н. Ю. Фанфикшн как предмет научного исследования в российском гуманитарном знании // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2016. Т. 2. № 1 (25).
7. Кошелев В. А. Акклиматизация Бабы Яги в русской литературе // Русская литература. 2019. № 2. <https://doi.org/10.31860/0131-6095-2019-2-41-51>
8. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М. – СПб.: Академия исследований культуры; Традиция, 2005.
9. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Лабиринт, 1996.
10. Солина А. В. Фанфик как отражение читательских предпочтений молодежи // Культурные инициативы: материалы 52-й всероссийской научной конференции молодых исследователей (г. Челябинск, 16 апреля 2020 г.) / сост. и науч. ред. Ю. В. Гушул; отв. за выпуск С. Б. Синецкий, И. М. Баштанар. Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2020.
11. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки славянской культуры, 1997.
12. Jenkins H., Purushotma R., Weigel M., Clinton K., Robison A. J. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge – L.: The MIT Press, 2009. <https://doi.org/10.7551/mitpress/8435.001.0001>

Информация об авторах | Author information

Соколова Елена Михайловна¹

¹ Московский государственный педагогический университет

Elena Michailovna Sokolova¹

¹ Moscow Pedagogical State University

¹ Sokolovaelenag@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.03.2024; опубликовано online (published online): 24.09.2024.

Ключевые слова (keywords): трансформация образа Бабы-яги; фандом русских народных сказок; десакрализация мифологических и сказочных персонажей; современная адаптация фольклора; массовая культура; transformation of the image of Baba Yaga; Russian fairytale fandom; desacralization of mythological and fairytale characters; modern adaptation of folklore; mass culture.